Международные процессы, Том 16, № 4 (55), сс. 74–98
DOI 10.17994/IT.2018.16.4.55.5

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЗМЫ
Обзоры зарубежных публикаций

НЕОВЕБЕРИАНСКАЯ ТЕОРИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЙ МАЙКЛА МАННА

ДМИТРИЙ КАРАСЁВ
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Резюме

В статье представлен анализ неовеберианской историко-социологической теории глобализаций Майкла Манна. Согласно ей, «глобализация» это собирательный термин для обозначения многопоточных и полиморфных процессов растягивания по всему миру ряда пересекающихся, частично совпадающих и частично автономных сетей идеологической, экономической, военной и политической власти. Социолог подвергает критике как теории, преувеличивающие значение и историческую беспрецедентность современной глобализации, теории, изображающие её сингулярным процессом с единой логикой и телеологией, так и теории, постулирующие обратное: полное отсутствие всякой новизны или логики. Исторически современная глобализация изображается следствием заморской имперской экспансии раннего Нового времени. Дальнейшая динамика этого процесса определялась тем, что некогерентное сочетание четырёх источников власти в форме полуглобальных империй при благоприятных условиях вело к смягчению форм империализма, а при неблагоприятных – к «полуглобальным» кризисам, в особенности двум мировым войнам и Великой депрессии. Вместе с тем даже эти кризисы не были моментами деглобализации. Напротив, как доказывает Манн, они были её переходными этапами, в ходе которых происходила смена «передового фронта» глобализации, глобального гегемона, а также ослабление её либеральной идеологии. Примечательным представляется инсайт о том, что многие из инфраструктурных решений, до недавних пор считавшихся инновациями современной глобализации конца XX – начала XXI века, на поверку оказались усовершенствованными вариантами организационных решений, разработанных и впервые опробованных империями в конце XIX – начале XX столетия. Решающую роль в структурировании современного мира играют глобализация капитализма, национального государства и последняя из глобальных империй – США. Внутренняя некогерентность американской империи способствовала непреднамеренному смягчению её форм на протяжении второй половины XX столетия, однако на пороге XXI века, перед лицом глобальных кризисов (неолиберальной рецессии 2008 г. и экологического кризиса), обозначилось военное и финансовое ужесточение американской гегемонии, которые, судя по историческим аналогиям, со временем приведут её к упадку. Ответом может стать не только позитивная глобализация, усиливающая транснациональную взаимосвязанность, но и «отрицательная глобализация», фрагментирующая мир, глобализация фрагментов мира, наподобие той, что имела место в начале XX века.

Ключевые слова:

Майкл Манн; глобализация; империя; гегемония; власть; историческая социология; современная социология.

Дата поступления рукописи в редакцию: 31.07.2018
Дата принятия к публикации: 22.10.2018

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: dk89@mail.ru

Сегодня глобализация выступает одним из центральных понятий ряда социально-гуманитарных наук. Корпус теорий глобализации обширен и постоянно расширяется. Их классификация уже успела стать отдельной исследовательской проблемой [Бек 2001; Хелд и соавторы 2004; Кирьянова, Мазурина 2007]. Социолог Альберто Мартинелли предлагает систему координат из трёх осей, в которой можно разместить любую такую теорию. Первая ось – гиперглобалисты vs. скептики – включает в себя континуум возможных ответов на вопрос о новизне современной глобализации, достигнутом ею уровне, необратимости воздействия, оказанного ею на общество и национальное государство. Вторая – неолибералы vs. неомарксисты – выстраивается вокруг проблемы положительной или отрицательной оценки воздействия глобализации, а также того, носит ли она в действительности добровольный децентрализованный или принудительный западоцентричный и гегемонистский характер. Третья ось – гомогенизация vs. гетерогенность и гибридизация – сводимость глобализации к одному из её измерений, особенно в культурном отношении [Martinelli 2003: 95].

В приведённой системе координат неовеберианская историко-социологическая теория глобализаций Майкла Манна занимает следующее положение:

– по первой оси она практически вплотную подходит к скептикам, но не сливается с ними полностью;

– по второй – она расположена практически посередине, чуть ближе к неомарксистским, чем неолиберальным концепциям;

– по третьей – эта теория скорее ближе к гетерогенным концепциям глобализации, не примыкая при этом к радикальным постмодернистским подходам.

Настоящая статья стремится продемонстрировать, как на основе критики традиционных теорий глобализации М. Манн выстраивает собственную объяснительную рамку. Кроме того, она показывает, как его теория работает на эмпирическом материале. Данное исследование не является первой в отечественной науке попыткой реконструкции подхода М. Манна [Николаев 2002; Масловский 2008]. Его безусловная новизна заключается в том, что, привлекая наиболее недавние работы автора по теме (см., например: [Mann 2012, 2013a,b; Mann, Jerónimo 2013]), она выявляет некоторые модификации, которые претерпели взгляды исследователя с 1990-х и 2000-х годов [Mann 1997, 2001/2002, 2003, 2004]. Кроме того, данная статья раскрывает исследовательскую программу М. Манна применительно к глобализации во всей её полноте. Последняя до сих пор ускользала от понимания в том числе зарубежных интерпретаторов [Campbell, 2004; Sewell, 2013; Riley 2013].

1

Начнём с критики, от которой отталкивается М. Манн, выстраивая собственную концепцию. В терминах тех осей, которые были предложены А. Мартинелли, она предполагает отсечение экстремальных значений. Например, преувеличение гиперглобалистами степени глобальной интеграции, достигнутой в настоящее время (вплоть до провозглашения на этом основании абсолютно нового этапа всемирно-исторического развития), расценивается М. Манном в качестве столь же ошибочного, как и полное отрицание её новизны скептиками. Первая точка зрения встречается гораздо чаще второй, несмотря на то, что динамика некоторых экономических показателей (например, доля мировой торговли в мировом ВВП или конвергенции сырьевых цен) как будто бы свидетельствует против новизны современной глобализации. Однако поистине беспрецедентно новыми глобальными феноменами, скорее, стали глубина экологических проблем, а также степень военного превосходства, достигнутая единственной из оставшихся глобальных империй, США.

Приписывание глобализации единой логики и телеологии (например, задачи стирания национальных границ), сведение происходящих изменений к одному из её

аспектов (зачастую экономическому) так же проблематично, как и отрицание всяких закономерностей, постулирование полнейшей гибридизации, а также отказ от возможности выделения тех или иных областей, векторов глобализации в качестве ключевых на определённых исторических этапах. Например, неолиберальные концепции не способны (или не желают) фиксировать существование глобальной империи. Неомарксистские построения, напротив, преувеличивают её роль в ущерб универсализации национальных государств как основной формы политической организации. При этом и те и другие слишком сконцентрированы на экономическом измерении глобализации, упуская из виду реже культурные, а чаще военные её аспекты.

На этом фоне теория Майкла Манна строится на следующих основных утверждениях:

– глобализация *множественна* (имеют место относительно автономные глобализации, то есть предполагается растягивание четырёх сетей социальной власти: идеологической, экономической, военной и политической);

– глобализация регионально и исторически *полиморфна* (имеют место различные переплетения и пересечение, но не полное совпадение сетей власти). При этом количество форм не бесконечно, но могут быть выделены *центральные формы* – глобализация капитализма, глобализация национального государства и глобальные империи;

– глобализация *противоречива* и парадоксальна (на разные государства она воздействует по-разному; она может усиливать интеграцию не только в рамках мира в целом, но и внутри отдельных его частей, тем самым фрагментируя целое), но при этом она *необратима* (военные, идеологические конфликты и экономические кризисы мирового масштаба не сокращают её уровень, а маркируют переключения от одной из её центральных форм к другой);

– глобализация *не тождественна транснационализации*;

– современная *глобализация не ведёт к формированию единого и гармоничного глобального общества или сбалансированного глобального развития*, в этом смысле помимо своего масштаба она малопримечательна, хотя некоторая специфика всё же есть.

Таким образом, источником своеобразия теории глобализации М. Манна выступает критика унитарной концепции общества, проделанная в первом томе «Источников». Отказ от этой концепции ведёт к отречению и от одномерной теории социального изменения. Повторяя слова Маргарет Тэтчер, М. Манн шутит, что «нет такой вещи, как общество» [Mann 2013b: 501]. Точнее, общества не являются унитарными, географически ограниченными системами – «тотальностями». Они представляют собой нежёстко связанные, слабо структурированные федерации из напластывающихся друг на друга и частично пересекающихся социально-пространственных сетей власти различного территориального охвата и различной интенсивности воздействия [Карасёв 2016].

Если нет систем, значит, нет и подсистем, чистых и функционально дифференцированных институтов (например, экономических отдельно от политических). В таком случае изменения не подразделяются на эндогенные и экзогенные, нет разделения внутреннего эволюционного процесса и внешней диффузии. Социальное изменение изображается М. Манном как процесс «интерстициального возникновения» новых организаций и субъектов власти между уже существующими, на основе новых пересечений и сгущений сетей власти, непреднамеренных последствий действий и случайных совпадений, а не запланированной институционализации (хотя «эффект колеи» также присутствует).

Множественность глобализаций – принципиальная позиция Манна. Речь именно о глобализациях, поскольку имеет место интеграция в глобальном масштабе всех четырёх источников социальной власти, каждый из которых развивается под воздействием собственной причинно-следственной логики и обладает собственным всемирно-историческим ритмом раз-

вития – «Поэтому то, что обычно называют глобализацией (в единственном числе), на самом деле включает множественное расширение (растягивание, распространение) отношений идеологической, экономической, военной и политической власти по всему миру...» [Mann 2012: 1].

При этом плюрализм М. Манна не превращается в «дурную бесконечность», как это происходит в концепциях постмодернистов. С его точки зрения, «современная глобализация включает три основных институциональных процесса: глобализацию капитализма, глобализацию национального государства и глобализацию множества империй (которая в конечном итоге была заменена всего одной, американской империей)» [Mann 2012: 1].

Человеческая история знала множество примеров расширения географического охвата сетей власти, то есть роста экстенсивности того или иного источника власти. Например, города-государства Древней Месопотамии, первоначально возникшие исключительно для локального, но интенсивного контроля над аллювиальным ядром указанной цивилизации, позднее растянулись до империи Саргона Аккадского. В этом смысле современная глобализация примечательна лишь своим планетарным масштабом. Сама по себе она «не оказывает влияния на состояние человеческого общества, поскольку она есть лишь продукт экспансии источников социальной власти. Ещё одно доказательство этого – отсутствие новых теорий общества в контексте развития глобализации. В большинстве случаев расширилась лишь география применения старых теорий, использовавшихся ещё тогда, когда исследователи ставили знак равенства между обществом и национальным государством. За громкими заявлениями теоретиков о том, что они якобы открыли фундаментальные изменения в социуме, нередко скрывается лишь жажда почестей и славы» [Mann 2013a: 3]. Гиперглобалистов, постулирующих беспрецедентную новизну современной глобализации, М. Манн критикует за внеисторический характер их теорий.

Для его оппонентов характерно сведение глобализации к одному из её аспектов, что позволяет М. Манну разделить их теории на «материалистические» и «идеалистические». При этом к гиперглобалистам идеалистического толка он относит авторов, которых, к примеру, Д. Хэлд считает «трансформистами». В качестве причины социального изменения представители материалистического направления зачастую указывают на развитие капитализма (рассматривая его как по природе экспансионистское, а не укоренённое в локальности явление), предоставляющее пространственные и временные решения для целей максимизации прибыли. Глобализация сводится к её экономической составляющей. Примерами выступают теория глобализации как «пространственного решения» проблемы накопления Д. Харви [Harvey 1989]; теория «информационализма», закладывающего контуры глобального «сетевого общества» М. Кастельса [Кастельс 2000]; теория транснационального капитализма, устанавливающего наднациональный капиталистический порядок, слишком сложный для управления или контроля из какого-либо политического центра М. Хардта и А. Негри [Хардт, Негри 2004].

Идеалисты-гиперглобалисты сводят глобализацию к её идеологической, культурной или институциональной составляющим. Р. Робертсон определяет это явление как сжатие мира через растущее осознание его единства [Robertson 1992]. Уотерс рассматривает глобализацию символических обменов, достигшей превращения экономики и политики в элементы единой глобальной культуры [Waters 1995]. Мейер и его соавторы описывают её как всемирное распространение и принятие общих легитимирующих моделей, идентичностей, вкусов стилей жизни, убеждений, которые не только насаждаются транснациональными корпорациями в коммерческих целях (как в теории «макдоналдизации» Дж. Ритцера), но и транслируются бесчисленными неправительственными организациями, защищающими вполне благовидные вещи, вроде научных союзов, феминистских

групп и движений в защиту окружающей среды [Meyer J. et al. 1997].

Гиперглобализм также может проявляться в многомерных теориях [Бек, 2001; Гидденс, 2011; Lash, Urry, 1994]. Последние фиксируют специфику современной глобализации через указание на идеологический элемент рефлективности, когда обыденное осознание этого феномена становится самостоятельным фактором дальнейшего роста материальной связанности. Достигнутый уровень глобального сознания эти теории оценивают как беспрецедентный, и именно он обусловливает необратимость современной глобализации в отличие от предшествующих. Например, согласно Ульриху Беку, одним из ведущих факторов роста глобального сознания выступает усиливающееся ощущение небезопасности под всепроникающим воздействием повседневных экологических угроз, созданных индустриализмом. Возражения М. Манна заключаются в том, что уровень «глобальности» в терминах У. Бека или осознания глобальных рисков практически не поддается измерению. Следовательно, его тезис о беспрецедентности этого уровня в качестве причины необратимости глобализации нефальсифицируем.

Даже если под глобализацией понимается совокупность процессов, гиперглобалисты приписывают им единую логику и телеологию, поскольку стремятся к выработке универсальных выводов и прогнозов о будущем глобальном обществе. Например, Элброу [Albrow 1996: 45] определяет глобализацию как «процессы, посредством которых народы мира интегрируются в единое мировое общество, глобальное общество», тогда как Томлисон отмечает, что мир становится «единым локусом, подверженным воздействию одних и тех же сил и объединённым в некий универсум» [Tomlinson 1999: 10]. Хотя идея единой зарождающейся всемирной социальной формы не нова (впервые она возникла ещё в философии Просвещения XVIII века и классической социологии XIX столетия), она продолжает возбуждать умы гиперглобалистов. Подобные представления сохраняются вопреки историческим и современным свидетельствам в пользу того, что глобализация не ведёт к гомогенизации и универсализации [Богатуров, Виноградов 2002].

В отличие от гиперглобалистов скептики (среди которых в основном экономисты, экономические историки и теоретики мир-системы), напротив, отказываются считать достигнутый в настоящее время уровень глобальной (читай: «экономической», «капиталистической») интеграции исторически беспрецедентным. В отличие от гипреглобалистов они работают лишь с эмпирически измеримыми показателями, такими как доля международной торговли в мировом ВВП [Chase-Dunn, Kawano, Brewer 2000] или конвергенция мировых цен на сырьё [O'Rourke, Williamson 2002]. Их основной вывод – современные уровни экономической интеграции сопоставимы с теми, которые были достигнуты в конце XIX – начале XX столетия.

Как показывает П. Байрох [Bairoch, Kozul-Wright 1996], тот факт, что предыдущий всплеск глобализации был обращён вспять мировыми войнами и Великой депрессией, широко используется неолиберальными экономистами, чтобы доказать неразрывную связь экономического роста и рыночной открытости. Краткая экономическая история глобализации выглядит следующим образом: с XVII до начала XIX века процесс усиления экономической взаимосвязанности протекал крайне медленно. Уже в период с 1860-х годов по 1914 г. его темпы резко ускорились, достигнув уровня, сопоставимого с началом XXI века. Далее последовал период стагнации вплоть до 1950-х, сменившийся в 1960-х – 1970-х вторым резким скачком роста взаимосвязанности в мировом масштабе. Схожую с П. Байрохом периодизацию предлагает и И. Валлерстайн, датирующий становление первой глобальной мир-экономики XVI веком [Валлерстайн 2015].

По мнению М. Манна, скептики ошибаются, считая глобализацию обратимой. Если следовать их логике, то этот процесс глобализации идёт лишь в периоды эконо-

мического роста, а периоды протекционизма, сжатия рынков, войн ведут, наоборот, к деглобализации. Между тем М. Манн убеждён, что происходит не снижение уровня глобальной взаимосвязанности, а переключение глобализации от одной центральной формы к другой. За глобализацию XIX века скептики выдают экономическую интеграцию внутри колониальных империй, поделивших мир между собой (исторические данные о «мировой торговле», с которыми они работают, это в действительности данные о заморской торговле внутри сфер влияния этих империй). В ходе кризисов первой половины XX в. она сменилась глобализацией национальных государств. В пользу отсутствия постулируемой скептиками деглобализации свидетельствует то, что сами кризисы носили глобальный характер, всемирный масштаб также приобрело распространение идеологий. Идущий полным ходом процесс глобализации национального государства после Второй мировой войны не идентифицировался социологами, работавшими в этот период, в качестве процесса глобализации, поскольку они изучали национально-государственные общества бывших метрополий, упуская тот факт, что до 1945 г. преобладающей политической формой для мирового населения были колониальные империи [Mann, Jerónimo 2013]. Неолиберальные экономические историки предпочитали не замечать сменяющие друг друга формы организации политических сообществ, усматривая в них лишь препятствия на пути рыночной интеграции.

И всё же приходится признать, что теории скептиков внутренне куда менее однородны, чем изображает их Манн. Как доказывает Я. де Фриз [Vrise 2010], следует отличать тех, кто рассматривает глобализацию как процесс, от тех, кто оценивает её исключительно как результат. Это различие особенно явственно проявляется в вопросе о том, следует ли считать рост торговли между Европой и Азией в раннее Новое время проявлением глобализации. Школа мир-системного анализа намеренно исключает этот процесс из фокуса анализа. Эта торговля рассматривается как внешняя по отношению к европейской мир-системе и потому не приводящая к установлению международного разделения труда.

Проблема заключалась в том, что доля торговли между Западом и Востоком в мировом ВВП требовала признать её индикатором глобализации. Однако отсутствие выравнивания цен на сырьё в различных регионах мира в раннее Новое время, несмотря на совершенствование транспортных технологий и сокращение транзакционных издержек, свидетельствовало об обратном. Отсутствие конвергенции цен объяснялось тем, что обменивались товары, не имеющие субститутов и потреблявшиеся исключительно богатой прослойкой европейцев. Кроме того, торговля была монополизирована, что также препятствовало снижению разрыва в уровне импортных и экспортных цен. Этот пример свидетельствует о ещё большей внутренней уязвимости аргументов скептиков, чем показывает М. Манн, а также о недостаточной валидности показателей, используемых ими для измерения экономической глобализации до Новейшей истории.

Таким образом, глобализация конца XIX – начала XX века была в лучшем случае глобализацией фрагментов мира. Она предполагала экономическую интеграцию внутри глобальных империй (прежде всего Британской), поделивших мир между собой. По мнению Манна, имела место лишь «*экономическая* глобализация широко расселившейся белой расы». Тот факт, что скептики также сводят глобализацию к её экономическому измерению, не позволяет увидеть уникальности современных глобализационных процессов военной власти. К примеру, если в XIX в. Британия стремилась поддерживать так называемый «двухдержавный стандарт», когда британский военный флот превосходил два флота соперничающих морских держав, вместе взятых, а сухопутная армия Британии уступала лишь некоторым армиям континенталь-

ных конкурентов, то современное военное превосходство США не знает аналогов в истории.

Отдельного упоминания заслуживает критика М. Манном популярной неомарксистской теории транснационального капиталистического класса (далее – ТКК) [Cox, 1987; Gill, 1991; Robinson, Harris, 2000; Sklair, 2000; van der Pijl 1995]. Исследователь признаёт тезис её представителей, что ТКК обладает существенной долей коллективной экономической власти. В то же время, для того чтобы доказать, что эта власть также является «авторитетной» (authoritative), проистекающей из единого центра в командной форме, иными словами, что этот класс является не номинальной группой, а реальным интернациональным правящим классом, то есть реальной группой, обладающей классовым сознанием и централизованной организацией, – не хватает эмпирических данных. Между тем такие теоретики ТКК, как Робинсон и Харрис, настаивают на реальности ТКК, приводя в качестве примеров координирующих классовых организаций ТКК Всемирный банк, ВТО, МВФ, Всемирный экономический форум, а также глобальные корпорации. Заметно упрощая, позиция Манна сводится к тому, что он готов признать существование ТКК в виде «класса в себе», но «классом для себя», вопреки убеждениям его теоретиков, он едва ли когда-нибудь станет.

Тезис о мировом правительстве, сформированном транснациональным капиталистическим классом, остаётся не более чем преувеличением, поскольку игнорирует такие важные институты международной системы, как национальные государства и американская гегемония. Для критики теоретиков ТКК М. Манн использует положения мир-системной теории, в соответствии с которыми, несмотря на глобальность капитализма, предприниматели обладают двойственной национальной и транснациональной идентичностью. Мягкая геополитика государств также продолжает обеспечивать регулирование глобальной экономической системы.

В отличие и от теории ТКК, и мир-системного анализа М. Манн изображает отношения между локальными, национальными, межнациональными, транснациональными и глобальными сетями власти менее систематизированными и детерминирующими. Более того, он не отождествляет их друг с другом. При этом социолог признаёт существование некоего «прото-ТКК» финансистов уже в начале XX века, накануне Великой депрессии, апеллируя к их совместному сопротивлению отмене золотого стандарта.

Применительно к исследованиям глобализации и гиперглобалисты, и скептики допускают ту же ошибку, которая и прежде совершалась в изучении общественных изменений, – искусственное привнесение чрезмерной системности в предмет исследования разумом исследователя. Постмодернисты, напротив, впадают в другую крайность, отвергая любые «большие нарративы», склоняясь к теории хаоса или впадая в релятивизм. Они приписывают глобальному миру бессвязный, гибридный и фрагментарный характер. Аппадураи выделяет несколько «пространственных типов»: этнический, медийный, технологический, финансовый и идеологический, которые составляют «подвижные, неоднородные ландшафты» и/или «разрывы» глобализации [Appadurai 1990]. Питерс рассматривает глобализацию как гибрид, предполагающий «внутреннюю изменчивость, неопределённость и незавершённость» [Pietersee 1995]. З. Бауман описывает беспорядок её же в терминах «текучей современности» [Бауман 2008].

Соглашаясь с гибридным характером глобализации, М. Манн отказывается видеть в ней лишь неопределённость и хаос. Напротив, он рассматривает её как процесс, направляемый сетями, которые структурируют социально-пространственные отношения, а также носят устойчивый и долгосрочный характер (капитализм, национальное государство и глобальная империя). У глобальных процессов новые формы, но старая генеалогия, в основе которой четыре источника власти.

М. Манн также предостерегает от восприятия глобализации капитализма, национального государства и глобальных империй как чистых (несмешанных) форм растягивания экономической, политической и военной сетей власти соответственно. Каждая из глобальных сетей или форм глобализации смешивает в себе несколько источников власти (или все четыре) и именно потому является интенсивно и экстенсивно мощной и исторически устойчивой. Кроме того, каждая из основных форм глобализации порождает несколько соперничающих между собой идеологий: капитализм – идеологии классов и классового конфликта; империи – идеологии империализма, антиимпериализма и расизма; национальные государства – национализм. Однако вопреки соперничеству идеологий никакого антагонизма между формами глобализации Манн не усматривает. Иными словами, полиморфизм глобализации совершенно нормален и никаких истоков деглобализации в себе не несёт.

Общий недостаток перечисленных выше теорий, критикуемых М. Манном, – они не фиксируют глобализацию отношений военной власти. К тому же вплоть «до 1990-х гг. большинство социологов просто игнорировали существование национального государства» [Mann 2013a: 8]. В основу их концепций были положены индустриализм, капитализм и прочие «-измы», которые по умолчанию рассматривались как транснациональные. Придерживаясь «методологического национализма» [Бек 2001], отождествляя общество с национальным государством, – государства как такового социологи упорно не хотели замечать. Затем национальное государство было признано исследователями, но только в связи с твёрдым и ошибочным убеждением, что глобализация его подрывает. Это ошибочное убеждение распространено крайне широко. М. Манн приводит ряд концепций, аргументированно доказывающих обратное, – усиление национальных государств перед лицом глобальных кризисов и приобретение ими новых функций. Кроме того, проницаемость национальных границ и империализм также способствуют росту локальных сетей, стимулируют чувство этнической общности и бытовой национализм. Государства преднамеренно отказываются от ряда функций (например, проводя неолиберальную политику), но делают это по собственной воле, а не под давлением транснациональных организаций или ТКК. С тем же успехом они способны принимать меры по возвращению своих полномочий [Weiss 1999].

2

Начало глобализации было положено заморской экспансией европейских империй раннего Нового времени. Предпосылкой этому был предшествующий динамизм средневековой Европы и соперничество между её политическими образованиями, носившее интенсивный и локальный характер. В этом исходном положении логика М. Манна выглядит очень похожей на логику Иммануила Валлерстайна [Валлерстайн 2015]. Однако затем различия между ними становятся отчётливыми, нарочитыми и сопровождаются для большей ясности открытой критикой мир-системного подхода. Залогом успеха европейского империализма было превосходство в вооружённой силе, а не высокий уровень цивилизации, научная революция или капитализм. В свою очередь, военное превосходство Европы было следствием полигосударственного устройства Европы и многовековой истории соперничества между многочисленными правителями. Ученик и соавтор М. Манна Д. Райли полагает, что для его учителя «европейский империализм был просто продолжением процесса формирования государств...» [Riley 2013: 485]. Речь идёт о многовековом процессе заполнения Европы феодальными образованиями и затем поглощения мелких государств крупными, сочетающими инструменты силового принуждения и капитала [Тилли 2009].

М. Манн определяет империю как «централизованную, иерархическую систему правления, устанавливаемую и поддерживаемую принуждением, благодаря которо-

му территории ядра господствуют над территориями периферии, которая служит посредником основных взаимодействий, а также перенаправляет ресурсы из и между периферийями» [Mann 2012: 17]. Империи объединяют в себе все четыре источника власти, наиболее ярко выражен военный. Комбинированное использование вооружённой силы и экономического могущества порождает «принудительную кооперацию», которую М. Манн представляет чем-то вроде «военного кейнсианства», когда внеэкономические расходы на принуждение в итоге способствуют росту торговли и экономики.

В случае Древнеримской империи это была «легионерская экономика» [Mann 1986], в случае современной американской империи – «долларовая экономика». К ним присоединяется политическая власть, поскольку завоёванными территориями необходимо управлять, и идеологическая власть, поскольку превосходство завоевателей необходимо объяснить и легитимировать. К тому же управление завоёванными требует ассимиляции населения или элиты. В отсутствие таковой наблюдается обратный процесс сопротивления завоевателей угрозе растворения в завоёванных.

Описывая покорение Нового Света европейцами, М. Манн опирается на концепцию «экологического империализма» А. Кросби [Crosby 1996], отмечая роль микробов в этноциде коренного населения, а также значение «Колумбового обмена» в росте благосостояния метрополии. В объяснении успеха европейского империализма М. Манн следует Майклу Дойлу [Doyle 1986], связывая его с синтезом военного и организационного потенциала ядра, слабости периферии и ситуативных особенностей состояния международных отношений. Теории, объясняющие успех заморской экспансии исключительно свойствами метрополии, он подвергает критике.

Кроме того, М. Манн ставит под сомнение концепцию экономического империализма, характерную для мир-системного анализа. Помимо жажды наживы, мотивами империалистов также были убеждение в военном превосходстве, ощущение геополитической небезопасности и оборонительной экспансии, статусное идеолого-мессианское чувство, стремление отвлечь внимание населения метрополии от внутренних проблем (известное как «социальный империализм»).

Свою теорию (полу-)глобальных империй М. Манн выстраивает на основе сравнительно-исторического анализа трёх примеров: британского, американского и японского. Выбор этих, а не других кейсов весьма примечателен и нуждается в пояснении, учитывая, что их сравнение носит слабо формализованный, нарративный характер, а своего рода «общим знаменателем» сравнения выступает ряд форм/стадий смягчения империализма, которые при благоприятных условиях проходят все современные империи. Предложенное ниже пояснение включает ряд выводов о современной глобализации, которые выражены у М. Манна лишь имплицитно, но не эксплицитно.

Во-первых, аналогия между ослаблением американской гегемонии в начале XXI в. и опытом Британии в конце XIX – начале XX века – классический методологический приём мир-системного анализа [Валлерстайн 2001]. Милитаризация Британской империи в указанный период объяснялась утратой промышленного лидерства и переходом к гегемонии с опорой на финансы, а не производство. Всё более частому обращению США к военному давлению в международной политике в наше время часто по аналогии приписываются подобные же причины. М. Манн считает эту логику вдвойне ошибочной. Милитаризация Британской империи, по его мнению, объяснялась ростом расизма, антиимпериализма и национализма в колониях, а также страхом перед конкурентами и угрозами в Европе. Американской империи, напротив, были с самого начала присущи более высокая степень расизма и милитаризма при отсутствии внешних угроз метрополии. По мнению М. Манна, ре-милитаризация политики США в начале XXI в. скорее объясняется ростом идео-

логического противоборства внутри американской элиты относительно будущего глобальной гегемонии, ростом некогерентности самой империи, а также излишней самоуверенностью после распада Советского Союза. Иными словами, с точки зрения теоретика, Соединённые Штаты в начале XXI в. напоминают не только и не столько Британскую империю, сколько Японскую с её поспешным захватом данников и территорий империи Цин, чрезмерным военным триумфализмом на этом фоне и острой борьбой элит в метрополии. Это весьма нетривиальная идея, ещё и идущая вразрез с мейнстримом.

Во-вторых, смягчение империализма, связанное с переходом от деспотического военного правления к более мягкому, политически, экономически и идеологически опосредуемому управлению вплоть до гегемонии, вопреки общим представлениям, не означает ослабления власти метрополии над колониями. В отличие от глобализации, смягчение форм империализма легко обратимо, хотя и не без потерь легитимности. К упадку же империи приводит не полиморфизм, а некогерентность при неблагоприятных дополнительных обстоятельствах.

В-третьих, рассмотрение глобальных империй конца XIX – начала XX в. носит подробный характер, поскольку инфраструктурные решения, разработанные и использованные тогда были модернизированы и повторно использованы Соединёнными Штатами в настоящее время. Они возникли отнюдь не в конце XX – начала XXI века. Таким образом, чтобы корректно интерпретировать динамику американской империи как одной из основных форм современной глобализации, необходимо понять особенности её империализма и динамики его форм в прошлом.

Британская империя олицетворяет собой «старый империализм», американская и японская – «новый». Первая служит примером скорее либерального, децентрализованного правления. Япония, наоборот, представляет практики, непреднамеренно ставшего милитаристическим, централизованного и корпоративного империализма с государственной поддержкой. Соединённые Штаты объединяют в себе черты обоих предшественников и располагаются где-то посередине между британским и японским случаем.

Ниже представлена классификация типов современного империализма, выделяемых Манном. Они также представляют собой стадии смягчения империализма, которые при благоприятных условиях обычно проходят империи.

Прямые империи инкорпорировали покорённые территории в своё ядро. В частности, так поступали государства древности в период своего расцвета. Центральный правитель также становился правителем периферии. Когда подчинённые элиты приобретали ту же идентичность, что и элиты ядра (обычно спустя несколько поколений), военный контроль ослабевал. Завоеватели даже предпринимали символические жесты, выводя оккупационные войска. Досовременные империи в большинстве своём захватывали соседние территории, что облегчало трансляцию идеологии правящего класса. В колониальных империях Нового времени, напротив, интеграция покорённых элит была затруднена. В этой связи широкое распространение получили идеологии расизма и ответного антиимпериалистического национализма. В условиях Нового времени прямой империализм зачастую был слишком затратным и организационно трудным, поэтому метрополии методом проб и ошибок искали более подходящие формы властвования.

Косвенная империя предполагает сохранение за правителями периферии части автономии и возможность договариваться о правилах игры с метрополией. Яркий пример таких отношений давала Британская империя с конца XIX столетия. Её принцип запечатлён в словах лорда Кромера: «Мы не управляем Египтом, мы лишь управляем правителями Египта». Местная армия и администрация также комплектовались из числа местного населения с вкраплениями колонистов-руководителей. Вместе с тем восстания в перифе-

рии приходилось подавлять силами метрополии. Повседневное административное управление требовало сотрудничества с местными элитами и хотя бы формального уважения к их экономике, политике и культуре (что снижало риски расизма и национализма, но не устраняло его полностью ввиду отсутствия идентификации местных элит с метрополией).

Все последующие типы империй в отличие от первых двух не предполагали оккупации территорий – *колоний*.

При *неформальном империализме* периферийные правители сохраняют всю формальную полноту власти, но их реальная автономия существенно ограничена политикой, навязываемой из центра под угрозой военной интервенции или экономических санкций. М. Манн выделяет три подтипа таких образований.

a) *Неформальная империя канонерок* возникает в тех случаях, когда метрополия обращается к внезапным и непродолжительным военным интервенциям для корректировки политического процесса в периферии. Морские блокады не позволяют завоевать страну, но они могут причинить ущерб артиллерийским обстрелом и затем высадить десант для коротких операций. Примером империализма такого толка могут служить как неравноправные договоры и договорные порты в Китае XIX столетия, так и политика США в странах Центральной и Латинской Америки в начале XX века.

b) *Неформальная империя через ставленников* предполагает опору на местных клиентов и их вооружённые формирования для осуществления принуждения. Наиболее яркий пример подобного рода господства – политика США в Латинской Америке на протяжении большей части XX века. Подавление местных восстаний и наведение порядка отдавались на откуп местным деспотам-марионеткам, которые проводили проамериканскую политику, получая в обмен экономические и военные ресурсы.

c) *Экономический империализм* заменяет силовое принуждение хозяйственным. Такую разновидность имперского контроля через инвестиции, экспортные ограничения и мировую валюту использовала в XIX в. Британия, а в начале XXI применяют Соединённые Штаты.

Последним типом имперского господства, в котором порой трудно узнать империализм, выступает *гегемония*, как понимал её Грамши, – рутинизированное господство, которое рассматривается подвластными в качестве легитимного, нормального, естественного, само собой разумеющегося. Гегемония встроена в повседневные социальные практики периферии и потому практически не нуждается в открытом насилии для поддержания. В качестве ярчайшего примера можно привести господство американских ценностей и авторитета в Западной Европе после Второй мировой войны и по настоящее время.

Представленные типы расположены в порядке уменьшения деспотической и военной власти при увеличении значения политической, экономической, идеологической и в целом инфраструктурной власти. Они представляют собой стадии смягчения империализма, которые при благоприятных условиях обычно проходят империи. С другой стороны, взятые в синхроническом аспекте, указанные типы описывают региональный и ситуативный полиформизм глобальных империй. Иными словами, в разных периферия одной и той же империи в один исторический момент могли сосуществовать разные виды господства. Полиморфизм оборачивается некогерентностью в случае, если ключевые субъекты власти метрополии не демонстрируют консенсус относительно внешней политики. В этих условиях империализм натыкался на резкое сопротивление, усиленное национализмом местной элиты или иными неблагоприятными обстоятельствами, совпадениями и переплетениями источников власти, уводящими в сторону от указанных стадий смягчения империализма.

3

Британский империализм (как ранее и испанский) был прямым продолжением внутриевропейской борьбы. Его превра-

щению в заморский способствовали сложившийся в Европе баланс сил, а также стагнация и упадок государств в будущих колониях.

До эпохи нового империализма захват *колоний осуществлялся децентрализованно*. В результате *недостатка в поселенцах не было*. Как *не было и расизма*, хотя трёхсторонний обмен: промышленные товары из Англии, рабы из Африки и плантационная продукция из Америки – породил расовое рабство. Именно работорговля, а не экспорт индустриальных товаров приносила основные прибыли, которые сыграли важную, хотя и не решающую роль в критический момент промышленной революции. Никакого имперского мессианства Британская империя не демонстрировала. Лишь в XIX веке, когда промышленное лидерство избавило британские товары от потребности в протекционистской защите, её мессианским лозунгом стало фритрейдерство, скрывающее желание открыть побольше иностранных рынков сбыта национальной продукции. Британские либералы даже стали отрицать существование империи (совсем как американские сегодня), утверждая, что королевский флот освобождает рынки. Подобная трансформация обозначила переход Лондона к неформальному империализму в старых колониях.

Изменение правил игры в эпоху нового империализма привело к полиморфизму британского империализма. Либеральное неформальное господство в ранних колониях разительно отличалось от кровавых завоеваний и прямого империализма в новых. В ходе раздела Восточной Азии и «драки за Африку» Британская империя уже не чувствовала себя в безопасности. Её господство (начиная с Индии) приобретало всё более централизованные и корпоративные формы с заметно сократившимся количеством поселенцев. Это способствовало распространению расизма у колонистов и националистическому антиимпериализму местного населения. Реакцией британцев в новых колониях стал переход к косвенному управлению через местные элиты, которые сохраняли верность империи из убеждения, что огневая мощь метрополии поможет им подавить любое локальное восстание. Однако объединение косвенного управления с патриархальным расизмом обрекли на провал кросс-этнический классовый союз правящих, особенно перед лицом национализма растущего среднего класса.

К Британской империи начала XX в. неприменима экономическая аргументация Гобсона, Ленина и Гильфердинга, убеждён М. Манн. *Во-первых*, Британия уже утратила промышленное лидерство, хотя и обладала крупнейшей банковской системой и эмитировала мировую валюту[1]. Деньги, полученные в новых колониях, Британия инвестировала преимущественно в свои белые доминионы (старые колонии), результатом чего стала возрастающая интеграция англосаксонской экономики. Именно эту перекачку средств и отражал уже упомянутый в начале статьи рост доли торговли в мировом ВВП в конце XIX – начале XX века (количественно, хотя едва ли качественно сопоставимый с нынешней долей). Последнее также подтверждают расчёты Милановича, Линдерта и Уильямсона [Milanovic, Lindert, Williamson 2001], демонстрирующие, что колониальные излишки шли европейской элите и лишь узкому кругу сотрудничавших с ними местных элит. Примечательной чертой либеральной экономической глобализации конца XIX – начала XX столетия, расколотой империями, был достигнутый уровень неравенства доходов внутри стран и межстранового неравенства, что напоминает результаты неолиберальной глобализации XXI века: глобальные богатые и локальные бедные.

Империализм США прошёл три этапа: децентрализованный фронтир поселенцев в Северной Америке, минимальная неформальная империя США в Западном полушарии 1898–1930-х годов и полиморфная

[1] Последнее наряду с поддержанием золотого стандарта и покрытием торгового дефицита Британии удавалось только за счёт перекачки экспортных прибылей из Индии.

глобальная империя после 1945 г. К началу второго этапа ни одна из великих держав не угрожала Соединённым Штатам. Тем не менее страх потенциального возникновения угроз был воплощён ещё в Доктрине Монро 1823 года, требовавшей построения мощного флота для её осуществления. К 1890-м гг. в ходе второй промышленной революции США получили такой флот и стали ведущей индустриальной державой. Колонии дряхлеющей испанской империи были захвачены без всякого плана относительно того, что делать с ними впоследствии. Их захват мотивировали лишь опасения, что они могут достаться другим мощным державам. Овладение Кубой, Пуэрто-Рико, Филиппинами и несколькими островами в Тихом океане прошло под видом помощи борцам за независимость от Испании, которые в итоге были отстранены от власти. Господство США в Западном полушарии никогда не было прямым по ряду причин: собственное колониальное прошлое, отсутствие поселенцев, открытый расизм, наличие только сильного флота, но не армии, дефицит собственного опыта колониализма, недостаточно высокий уровень милитаризма и корпоративизма с государственной поддержкой по сравнению с японским империализмом несколькими десятилетиями позже. Подходящей формой стал неформальный империализм канонерок с весьма частыми военными интервенциями.

Огромную роль в экспансии сыграло проимпериалистическое лобби корпораций, которые составляли ничтожную долю экономики США, но были хорошо организованы политически. В «колониях» американский бизнес приватизировал прибыльную сырьевую промышленность, попытался превратить местную элиту в клиентов и использовать их для внутренних репрессий. Вместе с тем расизм колонистов и растущий национализм способствовали отчуждению местных элит и подталкивали Соединённые Штаты дать формальную независимость непослушным владениям.

Всплеск антиимпериализма в американской метрополии после Первой мировой войны вынудил поддерживать неформальную империю в Западном полушарии без отправки солдат. Местных военных диктаторов обучали самостоятельно расправляться с оппозицией. Тактика «сукиных сыновей» (так стали называть этих диктаторов по цитате, приписываемой Ф.Д. Рузвельту) дополнялась «политикой добрососедства», в рамках которой вместе с американскими корпорациями обогащалась «компрадорская буржуазия». В этот же период была опробована «долларовая дипломатия», представляющая собой более прямой и насильственный прообраз современных программ структурных реформ, которых требует МВФ в обмен на займы странам с проблемами суверенного долга. «Американские “денежные доктора” назначали займы у банков США, чтобы стабилизировать местную валюту, деноминировали её в долларовом исчислении, перемещали золотые резервы в Нью-Йорк, пересматривали сроки выплат долгов и контролировали их бюджет и сборы таможенных поступлений» [Mann 2012: 93]. В отличие от современных программ структурных реформ «долларовая дипломатия» не могла опираться на экономический империализм и глобальную гегемонию США и требовала повторяющихся военных интервенций. В качестве зарождающегося экономического империализма она была выгодна прежде всего американскому бизнесу и иностранным держателям долга, в меньшей степени их локальным клиентам и противоречила интересам рядовых местных жителей.

Политика Соединённых Штатов в Западном полушарии оставалась неизменной на протяжении всего XX века. Усиление Советского Союза и «холодная война» практически никак на неё не повлияли. Трагедия американского империализма там заключалась в том, что, усугубляя неравенство, коррупцию, деспотизм, он нёс хаос и усиливал сопротивление.

Как и США, Япония сначала выступала объектом европейской экспансии, а впоследствии оказалась способной скопировать западный империализм. При этом

в отличие от Соединённых Штатов, не знавших политических угроз метрополии или недостатка в сырье, захват Японией колоний ослабевшего Китая был вызван дефицитом природных ресурсов для трудоинтенсивной модернизации и страхом экономического удушения со стороны Запада. Примечательным сходством США и Японии было отсутствие консенсуса относительно колониальной политики у элит. В Соединённых Штатах до начала XXI в. это приводило к смягчению империализма, а в азиатской державе в первой половине XX столетия, наоборот, – к его ужесточению и милитаризации.

В отличие от американского империализма в Западном полушарии, Японская империя того же периода в Корее и Тайване характеризовалась прямым империализмом, большим количеством поселенцев (отчасти благодаря агитационной политике), патернализмом без расизма, подпитываемым идеологией паназиатского возрождения под предводительством Токио. Огромные темпы экономического роста колоний (и индустриализация Кореи) были достигнуты ценой принудительного труда и репрессий (изначально культурных, а позже и физических), в ответ на местный национализм и отсутствие надёжных клиентов.

Японские колониальные корпорации в отличие от американских получали солидные государственные инвестиции, аккумулировали колоссальные прибыли и увеличивали свой политический вес, что вызывало сопротивление милитаристов, ставших чрезмерно самоуверенными в результате военных побед над Россией и в Китае. Японские либералы выступали за продолжение неформального империализма, милитаристы, развивавшие концепцию тотальной войны, требовали перенаправления экономической политики на долгосрочные стратегические цели контроля над ресурсами путём прямого империализма в ущерб краткосрочной прибыли дзайбацу.

Первая мировая война поспособствовала обогащению и США, и Японии. Непредвиденным последствием этого в обеих странах стало сельскохозяйственное перепроизводство. Они также особенно сильно пострадали от Великой депрессии. Накануне Первой мировой войны и некоторое время после неё и в США, и в Японии наблюдался сдвиг внутриполитического курса вправо, сопровождавшийся борьбой с профсоюзами. Великая депрессия стала финальным триггером расхождения американского и японского империализма. Соединённые Штаты ответили Новым курсом и сдвигом влево. В Японии ничего подобного не произошло.

В этой стране либералам удалось справиться с вызовом депрессии ещё быстрее, чем в США, порвав с «золотым стандартом». Однако это вызвало всплеск ненависти японских милитаристов. Прокатилась серия политических убийств и обвинений либералов, девальвировавших иену, в национальном предательстве. Политико-идеологическим расколом воспользовалось радикально настроенное японское низшее офицерство, чтобы спровоцировать четыре инцидента в Китае. В результате вопреки прежнему прямому империализму процесс дальнейшего расширения Японской империи был запущен децентрализованно. Лишь атака на Пёрл-Харбор была спланирована на высшем уровне и во многом обусловлена американским нефтяным эмбарго.

К середине 1930-х под воздействием внутриэлитного идеологического конфликта в метрополии японский империализм становился всё менее когерентным, пытаясь одновременно расширяться и в Северном Китае (под давлением армии), и в Юго-Восточной Азии (по инициативе флота). Для параллельных действий по нескольким направлениям не хватало логистических ресурсов и поселенцев. При этом косвенный империализм был невозможен, так как в отличие от иных держав японцы никогда не призывали колонизированные народы в свою армию. И хотя Токио удалось воспользоваться национализмом захватываемых стран в Юго-Восточной Азии, обещая им независимость от западных империй, там японский импе-

риализм впервые стал демонстрировать расизм, подрывавший идею паназиатского возрождения. Поражение Японской империи остановило паназиатскую глобализацию.

Это была первая стадия современной глобализации, но она принесла с собой лишь очень ограниченную интеграцию. Множество соперничающих империй представляли собой фрагменты, передовой фронт *раздробленной глобализации*. Две мировые войны и Великую депрессию М. Манн рассматривает в качестве «полуглобальных кризисов», сокрушивших империи и укрепивших границы национальных государств. Анализируя Первую мировую войну, исследователь подчёркивает, что она не была борьбой за гегемонию между Британией и Германией, как её рассматривают теоретики мир-системы. Тем не менее она положила конец четырём династическим империям, хотя большинство заморских владений Лига Наций решила поддерживать на плаву.

Вопреки акценту на империях М. Манн не рассматривает Великую депрессию сквозь призму теории гегемонистской стабильности, которая связывает её с утратой Британией мировой гегемонии и нежеланием США занять её место [Kindleberger 1986]. Он подчёркивает роль всех четырёх источников власти в наложении шоков, кризисов и различных причинно-следственных цепей друг на друга, превративших американскую рецессию в полуглобальную депрессию, тяжелее всего ударившую по бывшим белым доминионам Британии. Военные долги и репарации, «золотой стандарт», протекционизм и провалы международных переговоров сделали дефляцию экономик рациональной. На страже либерализма и «ликвидационизма», воплощённых в золотом стандарте, стоял прототранснациональный капиталистический класс – банкиры и правящий класс старого режима. Вслед за Б. Эйхенгрином [Эйхенгрин 2016] М. Манн подчёркивает сходства между Великой депрессией и Великой неолиберальной рецессией 2008 года. Он также отмечает роль США в усугублении и разрешении обоих кризисов [Манн 2015].

Решением возникших трудностей стал отказ от «золотого стандарта» и опора на спасательные шлюпки национальных экономик с дефицитным финансированием (или его аналогами). Выход из Великой депрессии также потребовал отказа от идеологии либерализма в пользу «теории недопотребления» и кейнсианства. В результате глобализировалась не только идеология неокейнсианства, но и национальное государство, усиленное ею. Послевоенное «экономическое чудо» на Западе впервые сочетало высокую производительность с высоким потребительским спросом, стимулируемым государственным перераспределением. Аналогичное сочетание высоких спроса и потребления в Восточной Азии было достигнуто только в конце XX – начале XXI века.

В качестве последней империалистической войны М. Манн рассматривает Вторую мировую, вызванную не только условиями мирного урегулирования после Первой, но и стремлением стран «оси» основать или возродить свои «поздние» глобальные империи. «Вторая мировая война ускорила конец раскола мира на соперничающие империи и привела к развитию оружия массового уничтожения, а также к более универсальному триумфу западного рыночного капитализма, системы национальных государств, а также американской глобальной империи, чем это было бы в ином случае» [Mann 2012: 456].

4

В период «холодной войны» американская глобальная империя поддерживалась в различных формах и с разным успехом в четырёх макрорегионах. Одним из лейтмотивов её экспансии стал параноидальный антикоммунизм. На Западе американская империя приняла форму гегемонии, в основе которой была экономическая помощь и коллективная защита под руководством США. В отличие от других регионов в Европе Соединённые Штаты согласились с политическим участием профсоюзов,

расширением социальных прав и перераспределением доходов.

В Юго-Восточной Азии США начали с того, что по образцу Латинской Америки поддерживали землевладельческую элиту в борьбе против левых и националистов, представ в виде бескомпромиссно жестокой империи. Война в Корее побудила Вашингтон к созданию военных баз по всему миру, привела к четырёхкратному увеличению оборонного бюджета, принятию доктрины превентивного ядерного удара, а также создала условия для возникновения «государства национальной безопасности» в метрополии. Во время войны во Вьетнаме США вновь столкнулись с антимилитаризмом в метрополии. Первый этап экспансии Соединённых Штатов в Юго-Восточной Азии принёс скорее негативные последствия, хотя сдержать коммунистические силы им удалось. На втором – американский империализм добился в регионе больших успехов в области экономической власти. За экономическим чудом Японии последовал прогресс более мелких восточноазиатских тигров, а затем общее развитие всего макрорегиона. США с неохотой допустили здесь модель экспортно-ориентированного государства догоняющего развития, следующую американскому рецепту – никаких профсоюзов. В результате американская империя в Восточной Азии превратилась в менее жёсткую продемократическую гегемонию.

В Латинской Америке на протяжении всего периода «холодной войны» присутствие американского милитаризма так или иначе сохранялось в виде неформальной империи, которая насаждалась с помощью вооружённой силы, секретных операций ЦРУ и политических марионеток. Эта комбинация работала потому, что США наделяли своих клиентов, которые не были ослаблены войной или антиколониальной борьбой, большей экономической и военной властью. Здесь доминировали американские корпорации, гнавшиеся за краткосрочной прибылью. Однако клиенты Соединённых Штатов растеряли политическую и идеологическую власть в силу роста антиамериканских настроений, тягот зависимого развития в отсутствие земельных реформ или прочих необходимых прогрессивных политических мер. Неожиданно столкнувшись с кубинской и никарагуанской революциями (в 1962 и 1979 годах соответственно), Вашингтон решил сделать их изоляцию и удушение показательным для всех остальных, а также стал самостоятельно ликвидировать собственных непопулярных клиентов. Экономическая помощь региону по образцу Юго-Восточной Азии не сработала, так как деньги расхищали местные коррумпированные элиты. Экономический империализм в Латинской Америке был бы успешнее, если бы США допускали более прогрессивную политику. Ориентация на краткосрочную прибыль и стремление избежать нестабильности/коммунизма – вот две причины провала империализма в Западном полушарии.

Наименее удачным и завершённым оказалось насаждение американского империализма на Ближнем Востоке. Основными союзниками США в регионе были племенные монархии, а сторонниками СССР – арабские националисты, представители городских слоёв, преследовавшие более прогрессивные цели. Американские клиенты в регионе были расколоты по линиям религиозных, этнических и межгосударственных конфликтов. Саудовская Аравия была (и остаётся) самым полезным союзником США на Ближнем Востоке. Израиль стал важным политическим партнёром по внутриполитическим причинам – из-за могущественного еврейского лобби в двух крупных штатах (Нью-Йорке и Флориде). В Сирии и в Египте ставленники Вашингтона, захватившие власть, вскоре были свергнуты офицерами-националистами. Гораздо более внушительным, но также временным стал успех Соединённых Штатов в Иране. В 1980 г. в ответ на советское давление на Афганистан была провозглашена «доктрина Картера». Вмешательство США в гражданскую войну в Ливане дало толчок к формированию организации «Хизбалла» и распространению тактики террористических нападений смертников.

«Стратегию США на Ближнем Востоке диктует не политический реализм, а изрядная путаница в головах самих американских стратегов» [Mann 2013a: 125]. Взвинчивание цен на нефть в 1970-х Организацией стран–экспортёров нефти не привело к наказанию со стороны США, поскольку возникшее бремя удалось переложить на плечи рядовых граждан метрополии, а прибыли американских нефтяных корпораций выросли. Затем в регионе завели двух «сукиных сыновей». Первым был исламизм, внедрённый в Афганистан для борьбы с Советами; вторым – режим Саддама Хусейна, содействовавший борьбе с фундаменталистским Ираном. Оба получали военную помощь и были полезны, пока не восстали против Вашингтона. Провал американского неформального империализма на Ближнем Востоке во второй половине XX в. непреднамеренно создал условия, которые позднее (после терактов 11 сентября 2001 года) прервали тенденцию к смягчению американского империализма.

Антисоветская паранойя во внешней политике США приводила к тому, что левых во всех колониях, за исключением Европы, приравнивали к коммунистам. Это побуждало блокировать прогрессивные реформы в подконтрольных регионах (за исключением Европы), поощрять борьбу с профсоюзами, эксклюзивный экономический рост или рост без развития. Итогом стал подогрев антиимпериализма местного населения и ослабление власти империи. После распада Советского Союза и окончания «холодной войны» антикоммунизм сменился неоконсерватизмом. М. Манн признаёт правоту тех теоретиков международных отношений, которые полагали, что после распада СССР Соединённые Штаты не чувствовали пресыщения. Напротив, Вашингтон счёл, что эпоха величайшей империи только начинается. Вопрос заключался только в её форме. И здесь свою роль сыграли проблемы капиталистической экономики.

Новый виток экономической глобализации связан с глобальным распространением неолиберализма с конца 1970-х. Неолиберальный поворот указанного периода был направлен не только против неокейнсианства в странах глобального Севера, но и против импортозамещающей индустриализации стран Юга, а также против Бреттон-Вудской системы, ограничивающей глобальные потоки капитала. Его ключевыми чертами стали финансиализация (financialization) и рост транснациональных корпораций. Основной причиной финансиализации – «способа накопления капитала, при котором прибыль образуется не в торговле или производстве, а преимущественно в финансовом секторе» [Mann 2013a: 141] – стал империализм США, которого неолиберальные экономисты не хотят замечать. Сначала она стимулировалась непреднамеренно в связи с отменой привязки доллара к золоту на фоне перегрева экономики Соединённых Штатов, роста долга и дефицита во время войны во Вьетнаме (М. Манн полагает, что администрация Ричарда Никсона не могла предвидеть многочисленных последствий отмены «золотого стандарта»). Затем она пришпоривалась сознательно через программы структурных реформ.

Одной из основных причин *роста транснациональных корпораций* стало общество потребления, оформленное неокейнсианской политикой государственных расходов. Примечательно, что глобализирующаяся идеология неолиберализма была направлена против «большого правительства», но в размерах транснациональных корпораций (в отличие от классического либерализма) проблемы не усматривала. Ход неолиберализму открыли реформы Тэтчер–Рейгана, дерегулировавшие финансовые рынки, легализовавшие слияние коммерческих и инвестиционных банков. Правительства США и Британии представляли собой союз неолибералов с консерваторами, сделавший государственное перераспределение менее прогрессивным.

О неолиберальной глобализации Манн говорит как о процессе, инициируемом «стремлением тех или иных социальных групп к расширению коллективной и дис-

трибутивной власти для достижения собственных целей» [Mann 2013a: 5]. Неолиберальная политика отдаёт приоритет инвесторам перед рабочими, богатым перед бедными. Неолиберализм благоприятствует государствам, располагающим финансовым капиталом, а страдают от него страны, экономический суверенитет которых относительно невелик. Неолиберализм преуспел не благодаря экономическим результатам проводимых его апологетами реформ, а благодаря тому, что служил инструментом в руках более могущественных классов, наций или групп. Причём они с лёгкостью нарушали его идеологические принципы, ярчайшим и наиболее широко распространённым примером чего была коррупционная приватизация. «Рынки не упраздняют власть, как утверждают неолибералы, а лишь по-другому её распределяют», – заключает М. Манн [Mann 2013a: 132].

Невнимание социологов к глобализации военной власти, а также к глобализации национального государства мешает им разглядеть в неолиберализме экономический империализм США. Оно также препятствует осознанию, что за пределами англосаксонских стран неолиберальная глобализация капитализма не была столь универсальной, как часто утверждают. Её мощным ограничителем и регулятором оставались национальные правительства. Страны глобального Юга с сильными государствами, ответившие на вызов неолиберализма регулированием и субсидированием экспорта (экспортно-ориентированным догоняющим развитием), показали хорошие экономические результаты. Для беднейших стран со слабым государством неолиберализм обернулся демонтажом суверенитета.

Программы структурных реформ, разработанные Всемирным банком и МВФ для стран глобального Юга на грани дефолта, были просто вторым изданием «долларовой дипломатии», использовавшейся несколько десятилетий назад в Латинской Америке. В начале XXI в. их результатом стала не перекачка золотого запаса в США, а открытие иностранных рынков (прежде всего рынка капитала) и приватизация реального сектора в интересах транснациональных компаний или местных клиентов Вашингтона. «Всё это было осознанной стратегией перемещения социальной власти от народных масс к хозяевам капитала» [Mann 2013a: 168], которые обладали двойной национально-транснациональной идентичностью, не составляя ТКК, вопреки убеждениям его теоретиков. Неолиберализм в странах Юго-Восточной Азии, находящихся под «опекой» Соединённых Штатов, обернулся Азиатским кризисом 1997 года. «Экономическая глобализация действительно объединяет мир, но необязательно гармоничным образом. Она может снова расколоть его на части», – убеждён М. Манн [Mann 2013a: 360].

Одним из ключевых тезисов теоретика относительно современной ситуации выступает увязка экономического империализма на основе доходов от эмиссии доллара начиная с 1970-х годов и военного империализма, активизировавшегося в 1990-х и 2000-х годах на Ближнем Востоке. Отмена привязки доллара к золоту Р. Никсоном вызвала массовую скупку американских облигаций центральными банками различных стран: «С тех пор американские зарубежные авантюры оплачивались иностранцами» [Mann 2013a: 269]. Такова формула неолиберальной «принудительной кооперации». Уход от доллара в качестве резервной валюты чреват распадом глобальной финансовой системы. Связанный с этим страх держателей долларового капитала (ТКК) избавляет США от проблемы дефицита платежного баланса.

В этой связи само состояние глобальных финансов М. Манн описывает как полулегитимный гибрид экономического империализма/гегемонии. При этом теоретик подчёркивает, что правительство США не тождественно транснациональным корпорациям и частным финансам, хотя между ними и существует тесная координация. Таким образом, имеет место дуалистический империализм Соединённых Штатов и транснационального финансового капитала, действующий за счёт

остальных государств-наций. Необходимость финансирования растущего торгового и бюджетного дефицита заставляет США отстаивать идеи неолиберализма и препятствовать попыткам возвращения к контролю за капиталом. Если раньше США зависели от притока мигрантов, то теперь они зависят от массового притока иностранного капитала.

В то же время М. Манну важно показать, что связь между финансиализацией и милитаризацией американской империи не однонаправленная, как утверждают теоретики мир-системы. Первая не породила вторую. Имеет место процессуальная взаимосвязь, также испытывающая на себе влияние идеологической власти. Милитаризация американского империализма в 1990-х годах напоминает аналогичный процесс в Японии в межвоенный период в том, что касается роли идеологической и военной, а не экономической власти.

Рейгановский миф наивного триумфализма (о том, что Америка разрушила СССР), а также успехи военных операций в Кувейте, Югославии и на Гаити в 1990-х вселяли «ястребам» уверенность, что Соединённые Штаты располагают военным инструментарием для решения любых мировых проблем. Объединение «ястребов», представляющих обе партии, проходило на основе идеологии неоконсерватизма, убеждённости в американской исключительности и интервенционизма под предлогом распространения демократии.

Дальнейшему их усилению способствовали победа Джорджа Буша-мл. на выборах 2000 года; обращение нового президента США к Ричарду Чейни с просьбой собрать команду, отвечающую за внешнюю политику и оборону; теракты 11 сентября 2001 года – «Пёрл-Харбор XXI века», как назвал их в своём дневнике Дж. Буш-мл. «Белый дом захватили идеологи», – полагает М. Манн [Mann 2013a: 280]. Прежнему полиморфизму, который непреднамеренно способствовал смягчению форм американского империализма, наступил конец: «В период с 1989 по 2001 г. США в среднем осуществляли по одному полномасштабному военному вторжению каждые полтора года, что больше, чем за все предыдущие периоды, за исключением промежутка между 1899 и 1914 годами» [Mann 2013a: 273–274].

Инфраструктурно росту американского милитаризма поспособствовала революция в военном деле 1990-х годов, сделавшая возможной «войны с перекладыванием рисков». В результате потери в том числе в результате акцента на воздушных атаках переносятся с американских сухопутных сил (которых всегда недостаёт) на силы противника, включая и его гражданское население. В первые десятилетия XXI в. у США не было серьёзных противников, но при этом их доля в военных расходах в мире выросла с примерно одной трети до половины (показатель военной глобализации – доля военных расходов гегемона в мировых военных расходах). Американское военное господство не знает аналогов в истории – вот о чём забывают экономисты и социологи глобализации.

Вторжения в Афганистан и Ирак обозначили разворот вспять движения американского империализма к более мягким формам [Mann 2004]. Провал оккупации Ирака привёл к потере идеологической легитимности Соединённых Штатов. Стратегия Вашингтона состояла не в том, чтобы военными средствами сдержать экономический спад, как утверждают теоретики мир-систем, а в том, чтобы *усилить* глобальное господство с использованием экономических и военных инструментов. Однако совпадение экономической и военной кристаллизаций американского империализма было некогерентным в силу внутриполитических и идеологических причин [Mann 2003].

Большинство интерпретаторов М. Манна единодушны в том, что в своих более поздних работах он делает чрезмерный акцент на роли американской империи, хотя и показывает, каким образом в её воздействии переплетаются иные формы глобализации [Campbell 2004; Sewell 2013; Riley 2013]. Это помещает исследователя не только в пространство дебатов о природе и состоянии

современного американского империализма (см., напр.: [Ferguson 2004; Johnson 2004; Varufakis 2011]), но и в контекст марксисткой дискуссии о территориальной и капиталистической логике империализма, начатой Д. Харви [Harvey 2003; Арриги 2005; Мейксинс Вуд 2008; Бреннер 2008; Андерсон 2018]. В этой связи встаёт вопрос о том, означает ли ремилитаризация американской империи отказ от либерального экономического империализма? Маркирует ли этот отказ агонию исчезающей экономической гегемонии или, наоборот, демонстрацию силы, обозначающую возможность и способность вернуться при необходимости к более прямому империализму? Навредит ли это глобальному капитализму? Имеет ли место прогресс или упадок американской империи? Следует отметить, что в 1993 г. во втором томе «Источников» М. Манн несколько опередил Д. Харви, выделив две логики геополитического интереса – «логику прибыли» и «логику территории», которые восходят к хорошо известным концепциям в геополитике.

В отличие от последнего он не усматривает резких противоречий между капиталистическим и территориальным империализмом. Американской империи нет необходимости выбирать один из них. Напротив, они друг друга подразумевают. Кроме того, вся история американской империи также свидетельствует, что она никогда не была настолько либеральной, насколько постулирует её миссионерская идеология. Если Д. Харви полагает, что использование США своей геополитической власти в условиях развитого капитализма после 1945 г. полностью отличается от того, как это делали крупные державы в период до 1945 года, то М. Манн доказывает обратное.

Д. Харви также склонен недооценивать географические различия в формах империализма США применительно к странам развитого капитализма, приписывая исторические различия между ними наличию или отсутствию Советского Союза в качестве соперника. По мнению М. Манна, *во-первых*, имели место различия между Европой и Японией. Кроме того, не Советский Союз, а расходы на американский империализм в странах «третьего мира» привели к финансиализации, а она, в свою очередь, продиктовала изменения империализма в Японии, а затем и Корее. В конечном итоге экономический империализм там окончился Азиатским финансовым кризисом.

Схожую критику в отношении Д. Харви высказывает Бреннер [Бреннер 2008]. Он отмечает, что этот теоретик уделяет слишком мало внимания американскому империализму в развивающихся странах. Более того, он приписывает ему единую нефтяную логику, как если бы американский империализм в развитых странах был правилом, а в развивающихся – исключением. Теория М. Манна лишена этого недостатка. Напротив, она показывает, что американский империализм начинался в Латинской Америке и характеризовался постоянным вмешательством в дела местных государств по любому поводу. С нарастанием некогерентности империи схожая логика стала проявляться по всему миру.

Тем не менее изменения во взглядах Манна на глобализацию (включая его представления об американском империализме) в связи с событиями начала XXI в. также весьма очевидны. В статье 2001 г. он делал акцент на «остракирующем империализме» США, при котором глобальная торговля концентрируется внутри американской сферы влияния, обходя глобальный Юг (Африка, Средний Восток, Латинская Америка, Восточная Европа и страны бывшего СССР). Причём недовольство населения этой части мира сложившимся положением дел и их режимами, принимающее форму этнонационализма и религиозного возрождения, лишь усиливает этот «остракизм», делая страны непривлекательными для иностранных инвестиций. США пытаются предложить военный ответ на растущий фундаментализм (которому раньше способствовали бы для борьбы с левыми). В книге 2013 г. Манн пишет, что баланс экономической власти смещается с Запада к многополюс-

ному порядку, который включает в себя могущественные страны глобального Юга, особенно в Восточной и Южной Азии. Этот тренд не может не вызывать военных авантюр американского империализма. Происходящее смещение представляется результатом того, что развивающиеся страны с большим суверенитетом, которые ответили на финансово-экономический кризис 2008 г. усилением регулирования, показали лучшие экономические результаты по сравнению с другими.

В терминах более общей теории М. Манна это означает смещение акцентов между двумя организационными формами или сетями власти, соперничающими между собой с древнейших времён – от централизованных империй к цивилизациям с множеством субъектов власти [Mann 1986]. В настоящий момент, по мнению М. Манна, глобализация в форме империи всё ещё играет огромную роль. Причем речь идёт о постепенном уходе в прошлое глобальной «империи доминирования», а не «территориальной империи». Это означает, что при всём финансовом и до недавних пор идеологическом могуществе Pax Americana не хватало и не хватает реальных территориальных инфраструктур, к которым американская империя не стремится, обладая преимуществом выпуска мировой валюты, освобождающей её в условиях финансиализации от проблем дефицита платёжного баланса и суверенного долга. По сути, на это же сетует и Адам Тузе [Tooze 2018].

* * *

Распад американской империи только начался и завершится ещё нескоро. Доллар долго будет оставаться основной валютой, военной власти США тоже ничего не грозит, поскольку экономическое возвышение Азии, возглавляемое Китаем, идёт по мирному пути. Мир на Земле зависит от того, насколько спокойно пройдёт упадок американского империализма. Плохой новостью является то, что он тесно переплетён с двумя глобальными кризисами – экономическим и экологическим, требующими не только национально-государственного регулирования, но и транснациональной координации.

Во время неолиберальной рецессии 2008 г. на деньги налогоплательщиков государства спасли корпорации и банки, которые в интересах финансиализации приносили в жертву те высокие уровни потребления и занятости, которые были источником их первоначального обогащения. Изменение климата и загрязнения окружающей среды не включены в бухгалтерскую отчётность, что препятствует разрешению этих глобальных проблем путём торговли эмиссионными квотами или введения экологических налогов. По этому вопросу предстоит большая политическая битва, в которой государства будут испытывать давление снизу и извне. Без двух стран, выступающих крупнейшими источниками загрязнения и крупнейшими экономиками, экологическую проблему не решить. Выход США из Парижского соглашения усугубляет проблему («безбилетником» становится основной пассажир, грозящий кулаком остальным).

Китай, напротив, не жалеет денег на национальные экологические программы. Тем не менее в рамках международных переговоров о транснациональных программах КНР настаивает на том, чтобы развитые страны сделали первый шаг. По мнению М. Манна, маловероятно, что снизить выбросы удастся до того, как наступят серьёзные последствия. Этому препятствуют три обстоятельства: потребуется ограничить права и потребление граждан развитых стран, сократить автономию капитализма (в результате чего возможен раскол по линии бизнеса с высокой эмиссией и низкой), ограничить власть национальных государств. Наиболее вероятным исходом вышеописанных переплетающихся кризисов М. Манну представляется «великое пробуждение», сопровождаемое экологическим кризисом с большим количеством жертв среди представителей одного или нескольких поколений. Последствием этого может стать не интеграция, а дезинтеграция глобального пространства, рискующая перерасти в ядерную войну. Маловероятно, что

технологический прогресс позволит избежать данного сценария. Глобальное потепление и растущая изменчивость климата способны породить одну из двух крайностей: геополитически согласованные реформы глобального масштаба, призванные сократить атмосферные выбросы, либо крах большей части современной цивилизации.

Список литературы

Карасёв Д.Ю. Историческая социология власти М. Манна // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. № 4 (87). С. 5–23.

Манн М. Конец, может, и близок, только для кого? // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / Пер. с англ.; под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 113–155.

Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.

Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток — Запад — Россия: Сборник статей. К 70-летию академика Н.А. Симонии. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 1–12.

Валлерстайн И. Три отдельных случая гегемонии в истории капиталистической мир-экономики // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина; под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001.

Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / Пер. с англ., литер. ред., комм. Н. Проценко, А. Черняева; Предисл. Г.М. Дерлугьяна. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.

Гидденс Э. Последствия современности / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича; вступ. статья Т.А. Дмитриева. М.: Праксис, 2011. 352 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ., научн. ред. и предисл. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.

Кирьянова Л.Г., Мазурина О.А. Теории глобализации в контексте постклассической парадигмы // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311. № 7. С. 115–120.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Пер. с англ. Т.Б. Менской; вступ. статья Г.М. Дерлугьяна. М.: Территория будущего, 2009. 328 с.

Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ.; под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.

Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. М.: Праксис, 2004. 576 с.

Эйхенгрин Б. Зеркальная галерея. Великая депрессия, Великая рецессия, усвоенные и неусвоенные уроки истории / Пер. с англ. Е. Еловской; научн. ред. Т. Дробышевской. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 700 с.

Albrow M. The Global Age: State and Society Beyond Modernity. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996. 246 p.

Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Culture Economy // Theory, Culture, and Society. 1990. No. 7. P. 295–310.

Bairoch P., Kozul-Wright R. Globalization Myths: Some Historical Reflections on Integration, Industrialization And Growth in The World Economy // United Nations Conference on Trade and Development Discussion Papers. 1996.

Campbell C. American Realism versus American Imperialism // World Politics. 2004. Vol. 57. No. 1. P. 143–171.

Chase-Dunn C., Kawano Y., Brewer B. Trade Globalization since 1795: Waves of Integration in the World-system // American Sociological Review. 2000. No. 65. P. 77–95.

Cox R. Production, Power, and World Order: Social Forces in the Making of History. Columbia University Press, 1987. 500 p.

Crosby A. Ecological Imperialism. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 368 p.

Doyle M. Empires. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1986. 407 p.

Gill S. American Hegemony and the Trilateral Commission. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 304 p.

Harvey D. The Condition of Postmodernity. London: Basil Blackwell, 1989. 378 p.

Holton R. Globalization and the Nation-State. New York: St. Martin's Press, 1998. 222 p.

Kindleberger C. The World in Depression, 1929–1939. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1986. 355 p.

Lash S., Urry J. Economies of Signs and Space. London: Sage, 1994. 360 p.
Mann M. The Sources of Social Power, Volume I: A History from the Beginning to 1760. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 578 p.
Mann M. Has Globalization Ended the Rise and Rise of the Nation-State? // Review of International Political Economy. 1997. Vol. 4. No. 3. P. 472–496.
Mann M. Globalization Is (Among Other Things) Transnational, Inter-National and American // Science & Society. 2001/2002. Vol. 65. No. 4. P. 464–469.
Mann M. Incoherent Empire. London: Verso, 2003. 278 p.
Mann M. The First Failed Empire of the 21st Century // Review of International Studies. 2004. Vol. 30. No. 4. P. 631–653.
Mann M. The Sources of Social Power, Volume III: Global Empires and Revolution, 1890–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 520 p.
Mann M. The Sources of Social Power, Volume IV: Globalizations, 1945–2011. Cambridge University Press, 2013a. 498 p.
Mann M. The Sources of My Sources // Contemporary Sociology. 2013b. Vol. 42. No. 4. P. 499–502.
Mann M., Jerónimo M.B. Empires, Globalizations, and Historical Sociology: An Interview with Michael Mann // Análise Social. 2013. Vol. 48. No. 209. P. 946–952.
Martinelli A. Global Order or Divided World? Introduction // Current Sociology. 2003. Vol. 51. No. 2. P. 95–100.
Meyer J., et al. World Society and the Nation-State // American Journal of Sociology. 1997. No. 103. P. 144–181.
Milanovic B., Lindert P., Williamson J. Measuring Ancient Inequality. National Bureau of Economic Research, Working Paper. No. 13550. 2011. URL: https://www.nber.org/papers/w13550.pdf
O'Rourke K., Williamson J.G. After Columbus: Explaining Europe's Overseas Trade Boom, 1500–1800 // Journal of Economic History. 2002. No. 62. P. 417–456.
Pietersee J.N. Globalization as Hybridization / M. Featherstone, S. Lash, & R. Robertson (eds.), Global Modernities. London: Sage, 1995. P. 45–68.
Riley D. Routes or Rivals? Social Citizenship, Capitalism, and War in the Twentieth Century. Review of The Sources of Social Power, Volume 3: Global Empires and Revolution, 1890–1945 by Michael Mann // Contemporary Sociology. 2013. Vol. 42. No. 4. P. 484–494.
Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992. 211 p.
Robinson W.L., Harris J. Towards a Global Ruling Class? Globalization and the Transnational Capitalist Class // Science of Society. 2000. Vol. 64. № 1. P. 11–54.
Sewell W.Jr. The Age of American Empire // Contemporary Sociology. 2013. Vol. 42. No. 4. P. 495–499.
Sklair L. The Transnational Capitalist Class. Oxford, Blackwell, 2000. 335 p.
Tomlinson J. Globalization and Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 238 p.
Tooze A. Crashed: How a Decade of Financial Crises Changed the World. N.Y.: Viking, 2018. 720 p.
van der Pijl K. Transnational Classes and International Relations. L.: Routledge, 1998. 192 p.
Waters M. Globalization. N.Y.: Routledge, 1995. 185 p.
Weiss L. Globalization and National Governance: Antinomy or Interdependence? // Review of International Studies. 1999. No. 25. P. 59–88.

MICHAEL MANN'S THEORY OF GLOBALIZATIONS

DMITRY KARASEV
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, 119571, Russian Federation

Abstract

The paper presents analysis of Michael Mann's theory of globalizations, arguing that globalization is not a singular but plural process, involved global extensions of overlapping but not coinciding networks of ideological, economic, political and military power. It's also complemented with Mann's critical analysis of «hyperglobalizers'» theories.

Globalization was a delayed consequence of early modern empires' overseas expansion. Under the influence of its internal incoherence and infrastructural difficulties in good conditions global empires was tended to drift toward lighter forms of imperialism. Comparative and historical analysis of Britain, American and Japan empires shows it. Militarization of Japan empire was a result of concatenation of internal problems with three «half-global crises» – two world wars and Great Depression which discussed as phases of globalization rather than its ruptures. Thus the article shows that recent globalization in not historically unprecedented process.

Globalizations of capitalism, of nation-state and the sole remaining global empire, American empire play critical role in shaping of contemporary world. The drift of American empire toward lighter forms of imperialism under the influence if its incoherence, was reversed at the eve of 21th century faced with global crises – neoliberal recession of 2008 and climate change combined with liberal-conservative ideological alliance within US. It appears that militarization and unproductive economic intensification of American imperialism/hegemony would lead to its prolonged decay. According to the british-american sociologist the situation may finished either with positive globalization intensifying transnational interdependency, or with «negative globalization», fracturing the world, reminding globalization of the of early 20th century.

Keywords:

Michael Mann; globalization; empire; hegemony; power; historical sociology; contemporary sociology.

References

Albrow M. (1996). *The Global Age: State and Society Beyond Modernity.* Stanford, CA: Stanford University Press. 246 p.

Appadurai A. (1990). Disjuncture and Difference in the Global Culture Economy. *Theory, Culture, and Society*. No. 7. P. 295–310.

Baumann Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity]. SPb.: Piter. 240 p.

Beck U. (2001). *Chto takoye globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu* [What is Globalization?]. Moscow: Progress-Traditsiya. 304 p.

Bogaturov A.D., Vinogradov A.V. (2002). Anklavno-konglomerativnyj tip razvitiua. Opyt transsistemnoj teorii [Enclave and Conglomerate Type of Development. Record of Trans-System Theory]. In: *Vostok – Zapad – Rossiya. Sbornik statej. K 70-letiyu akademika N.A. Simonii.* Moscow: Progress-Traditsiya. P. 1–12.

Campbell C. (2004). American Realism versus American Imperialism. *World Politics.* Vol. 57. No. 1. P. 143–171.

Castells M. (2000). *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture. Fragments]. M.: GU-VShE. 606 p.

Chase-Dunn C., Kawano Y., Brewer B. (2000). Trade Globalization since 1795: Waves of Integration in the World-system. *American Sociological Review.* No. 65. P. 77–95.

Cox R. (1987). *Production, Power, and World Order: Social Forces in the Making of History.* Columbia University Press. 500 p.

Crosby A. (1993). *Ecological Imperialism.* Cambridge: Cambridge University Press. 368 p.

Eichengreen B. (2016). *Zerkalnaya galereya. Velikaya depressiya, Velikaya retsessiya, usvoyennye i neusvoyennye uroki istorii* [Hall of Mirrors: The Great Depression, the Great Recession, and the Uses- and Misuses-of History]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara. 700 p.

Giddens A. (2011). *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. M.: Praksis. 352 p.

Gill S. (1991). *American Hegemony and the Trilateral Commission.* Cambridge. Cambridge University Press. 304 p.

Hardt M., Negri A. (2004). *Imperiya* [Empire]. M.: Praksis. 440 p.

Harvey D. (1989). *The Condition of Postmodernity.* London: Basil Blackwell. 378 p.

Holton R. (1998). *Globalization and the Nation-State.* New York: St. Martin's Press. 222 p.

Karasev D.Yu. (2016). Istoricheskaya sotsiologiya vlasti M. Manna [M. Mann's Historical Sociology of Power]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii.* No. 4 (87). P. 5–23.

Kindleberger C. (1986). *The World in Depression, 1929–1939.* Berkeley & LosAngeles: University of California Press. 355 p.

Lash S., Urry J. (1994). *Economies of Signs and Space.* London: Sage. 360 p.

Mann M. (1986). *The Sources of Social Power, Volume I: A History from the Beginning to 1760.* Cambridge: Cambridge University Press. 578 p.

Mann M. (1997). Has Globalization Ended the Rise and Rise of the Nation-State? *Review of International Political Economy.* Vol. 4. No. 3. P. 472–496.

Mann M. (2001/2002). Globalization Is (Among Other Things) Transnational, Inter-National and American. *Science & Society.* Vol. 65. No. 4. P. 464–469.
Mann M. (2003). *Incoherent Empire.* London: Verso. 278 p.
Mann M. (2004). The First Failed Empire of the 21st Century. *Review of International Studies.* Vol. 30. No. 4. P. 631–653.
Mann M. (2012). *The Sources of Social Power, Volume III: Global Empires and Revolution, 1890–1945.* Cambridge: Cambridge University Press. 520 p.
Mann M. (2013a). *The Sources of Social Power, Volume IV: Globalizations, 1945–2011.* Cambridge University Press. 498 p.
Mann M. (2013b). The Sources of My Sources. *Contemporary Sociology.* 2013. Vol. 42. No. 4. P. 499–502.
Mann M. (2015). Konets, mozhet, i blizok, tolko dlya kogo? [The End May be Nigh, But for Whom?]. In Wallerstein I., Collins R., Mann M., Derluguian G., Calhoun C. *Sb. Statey.* Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara. P. 113–155.
Mann M., Jerónimo M.B. (2013). Empires, Globalizations, and Historical Sociology: An Interview with Michael Mann. *Análise Social.* Vol. 48. No. 209. P. 946–952.
Martinelli A. (2003) Global Order or Divided World? Introduction. *Current Sociology.* Vol. 51. No. 2. P. 95–100.
Meyer J., et al. (1997). World Society and the Nation-State. *American Journal of Sociology.* No. 103. P. 144–181.
Milanovic B., Lindert P., Williamson J. (2011). *Measuring Ancient Inequality.* National Bureau of Economic Research, Working Paper No. 13550. URL: https://www.nber.org/papers/w13550.pdf
O'Rourke K., Williamson J.G. (2002). After Columbus: Explaining Europe's Overseas Trade Boom, 1500–1800. *Journal of Economic History.* No. 62. P. 417–456.
Pietersee J.N. (1995). Globalization as Hybridization. In Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds.) *Global Modernities.* London: Sage. P. 45–68.
Riley D. (2013). Routes or Rivals? Social Citizenship, Capitalism, and War in the Twentieth Century. Review of The Sources of Social Power, Volume 3: Global Empires and Revolution, 1890–1945 by Michael Mann. *Contemporary Sociology.* Vol. 42. No. 4. P. 484–494.
Robertson R. (1992). *Globalization: Social Theory and Global Culture.* L.: Sage. 211 p.
Robinson W.L., Harris J. (2000). Towards a Global Ruling Class? Globalization and the Transnational Capitalist Class. *Science of Society.* Vol. 64. No. 1. P. 11–54.
Sewell W. Jr. (2013). The Age of American Empire. *Contemporary Sociology.* Vol. 42. No. 4. P. 495–499.
Sklair L. (2000). *The Transnational Capitalist Class.* Oxford: Blackwell. 335 p.
Tilly Ch. (2009). *Prinuzhdeniye, kapital i evropeyskiye gosudarstva. 990–1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992]. Moscow: Territoriya budushchego. 328 p.
Tomlinson J. (1999). *Globalization and Culture.* Chicago: University of Chicago Press. 238 p.
Tooze A. (2018) Crashed: How a Decade of Financial Crises Changed the World. N.Y.: Viking. 720 p.
van der Pijl K. (1998). *Transnational Classes and International Relations.* L.: Routledge. 192 p.
Wallerstein I. (2015). *Mirsistema Moderna. Tom. I. Kapitalisticheskoye selskoye khozyaystvo i istoki evropeyskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [The Modern World-System. Vol. I]. Moscow: Russky fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
Waters M. (1995). Globalization. N.Y.: Routledge. 185 p.
Weiss L. (1999). Globalization and National Governance: Antinomy or Interdependence? *Review of International Studies.* No. 25. P. 59–88.